
Павел Эмптин
Он помнит две жизни.
Но какая из них его?
Последний
цвет
Бургундии
научно-фантастическая
драма

Павел Эмптин

Последний цвет Бургундии

«Автор»
2026

Эмптин П.

Последний цвет Бургундии / П. Эмптин — «Автор», 2026

Александр умеет выживать на войне — просто потому, что воюет в двух сразу. Закрывая глаза здесь, он открывает их там: XV век, последняя Бургундская война, грязь, пики, дождь. А засыпая там, снова слышит гул дронов. Он давно перестал понимать, какая из жизней ему снится. Память рвётся, боль остаётся, и только старая монета на цепочке почему-то есть в обеих. Однажды ему придётся решить, где он на самом деле живёт. Или вспомнить.

© Эмптин П., 2026
© Автор, 2026

Последний цвет Бургундии

--

Научно-фантастическая драма

Глава 1. Грязь

Дождь шёл третий день.

Александр сидел на перевёрнутом ведре у шатра маркитанта и смотрел, как вода стекает с козырька на его сапоги. Кожа размокла, стянулась на подъёме, и каждый раз, когда он шевелил пальцами, внутри хлюпало. Он уже не чувствовал холода. Это плохо. Холод — это хорошо, холод значит, что нога ещё твоя.

Вокруг лагеря стояла та самая тишина, которая бывает перед большим делом. Люди не кричали, не пели, не ругались из-за жратвы. Они точили, чинили, проверяли. Или просто сидели, как он, и смотрели в грязь.

— Алекс.

Он поднял голову. Ганс, старый пикинёр из Базеля, стоял над ним, накрывшись куском парусины.

— Ты ночью опять ходил.

Александр моргнул.

— Куда?

— Откуда я знаю. Стоял у частокола, смотрел в поле. Я окликнул — ты не услышал. Потом вернулся и лёг. Утром спросил у тебя про караул — ты сказал, что не стоял.

Ганс был не из тех, кто шутит по утрам. Александр посмотрел на свои руки. Под ногтями — грязь. Обычная грязь. Но он не помнил, как её набрал.

— Приснилось что-то, — сказал он.

— Что?

Александр хотел ответить и не смог. В голове осталось только ощущение: гром без молнии, длинный, ровный, и что-то острое, летящее сверху. И ещё — лицо. Не женское. Просто лицо, очень близко, в зелёном.

— Не помню, — сказал он.

Ганс помолчал, потом сунул ему в руку ломоть хлеба с салом.

— Ешь. Завтра швейцарцы подойдут. Карл уже два раза выезжал смотреть на дорогу. Значит, будет мясо.

Он ушёл. Александр откусил хлеб и стал жевать, глядя, как дождь размывает следы колёс.

Он не сказал Гансу главного. Последние недели он просыпался с ощущением, что жил где-то ещё. Не снилось — жил. Долго. Там было тепло и сухо, и пахло не навозом, а чем-то металлическим и сладким. Там он лежал на чём-то мягком, и над ним висело белое, ровное, без теней.

Он никому об этом не говорил. В лагере хватало людей, которые видели святых и чертей; им давали хлеб и не давали вина. Александр предпочитал вино.

Утром швейцарцы вышли из леса.

Их было много. Больше, чем говорили разведчики. Они шли не строем, а сплошной стеной пик — так плотно, что, казалось, между людьми не пройдёт и кошка. Впереди — знамёна с медведем.

Бургундская конница пошла вперёд, красиво, как на празднике. Александр стоял в третьей линии, с алебардой в руках, и смотрел, как лошади вязнут в размокшем поле, как первые ряды сминаются, как пики поднимаются навстречу.

Потом ударили пушки.

Гром без молнии.

Александр замер. Этот звук он знал. Он не мог его знать — но знал. Не так, как знают гром, а так, как знают собственное имя.

— Стоять! — заорал кто-то рядом. — Держать строй!

Швейцарцы ударили в центр. Бургундская линия дрогнула, прогнулась и начала рваться. Александр увидел, как знаменосец падает вместе с древком, как его накрывают ноги бегущих.

Он не побежал. Не из храбрости — просто ноги не слушались.

А потом что-то ударило его в бок.

Не больно. Просто сильно, как толкнули. Он посмотрел вниз и увидел, что из-под кольчуги торчит короткий обломок древка. Кровь шла медленно, густая, смешивалась с дождём и стекала по бедру.

Он сел в грязь.

Стало тихо. Не как в бою — как в воде. Люди вокруг ещё кричали, но их голоса уходили куда-то вверх, а он оставался на дне.

Он подумал: «Вот и всё».

И тут же, откуда-то из глубины, пришла другая мысль, чужая и спокойная: «Не всё. Сейчас будет гром».

Он закрыл глаза.

Он открыл глаза.

Потолок был низкий, в потёках. Над ним висела лампа в железной сетке и качалась. Пахло мокрой шерстью, порохом и чем-то сладким, металлическим.

Кто-то тряс его за плечо.

— Кот. Кот, вставай. Дрон.

Александр сел. Тело слушалось. Бок не болел — но там, где был обломок, осталось тепло, будто приложили горячую монету. Он машинально потрогал место. Целое.

Перед ним сидел человек в зелёном, с чёрным разводом на лице и очень усталыми глазами.

— Ты чего? — спросил человек. — Опять ночью ходил, да? Я тебя утром у блиндажа нашёл, ты стоял и на небо смотрел.

Александр хотел сказать, что не ходил. Хотел спросить, что такое «дрон». Хотел сказать, что его только что убили под Грансоном.

Но вместо этого сказал то, что говорил всегда:

— Приснилось что-то. Не помню.

Человек кивнул, будто это было нормально.

— Бывает. Пошли, покурим, пока тихо. Потом на позицию.

Александр встал. Сапоги были сухие. За стеной блиндажа гудел ветер, и где-то далеко, за холмом, снова ударило — ровно, длинно, без молнии.

Он вздрогнул и пошёл за человеком в зелёном.

Глава 2. Дрон

Блиндаж был тесный, но сухой. Стены — доски внахлёст, щели забиты тряпками и поролоном. Воняло соляркой, носками и тем самым сладковатым металлом, который Александр не мог ни с чем спутать. Он сидел на ящике из-под патронов и смотрел, как Фитиль крутит самокрутку.

— Ты вчера опять, — сказал Фитиль, не поднимая глаз. — Стоял у входа, смотрел в поле. Я тебя окликнул — ты не услышал. Потом зашёл, лёг. Утром спросил — ты сказал, что не стоял.

Александр кивнул. Он уже слышал это сегодня. Утром. Или вчера. Время в блиндаже шло странно: свет лампы не менялся, а снаружи было одинаково серо.

— Приснилось что-то, — сказал он.

— Что?

Он хотел ответить и не смог. В голове остались только грязь, дождь и обломок древка в боку. И тепло — там, где этого обломка больше не было.

— Не помню.

Фитиль посмотрел на него поверх самокрутки. Взгляд у него был тяжёлый, без интереса — так смотрят на человека, которого уже видели в деле и пока не списали.

— Кот, ты как? — спросил он.

— Нормально.

— Ты с утра как варёный. И бок трогаешь.

Александр отдёрнул руку. Он не заметил, что трогает.

— Старая рана, — сказал он.

Это была правда. В Бургундии у него было три раны, и одна — как раз в бок. Но здесь, в этом теле, шрама не было. Он проверял.

Фитиль не стал дожимать. Докурил, потушил о подошву, сунул бычок в консервную банку.

— Пошли, — сказал он. — Командир сказал, на позицию. Тихо пока, но «птичка» летала. Если что — не геройствуй, понял? Героев потом на «Газели» увозят.

«Птичка» появилась через час.

Александр стоял в окопе, у бруствера, и смотрел на лесополосу. Она была далеко, в километре, и казалась просто полосой серого на сером. Ветер нёс запах мокрой земли и горелого.

Потом он услышал.

Тонкий, ровный гул. Не гром. Не пушки. Что-то маленькое и злое, что шло по небу, как муха по стеклу.

Он не знал, откуда это знает. Но знал: оно летит сюда. И знал, что делать.

— В укрытие, — сказал он.

Фитиль обернулся.

— Чего?

— В укрытие, мать твою. Сейчас будет.

Он не крикнул. Сказал ровно, как говорят «передай соль». Но Фитиль, который знал его три месяца и привык, что Кот молчит, вдруг побежал. Побежал, потому что в голосе было что-то, чему нельзя не поверить.

Они успели заскочить в блиндаж. Через пять секунд за стеной ухнуло, и земля дёрнулась, как живая.

Фитиль сидел на полу, привалившись к доскам, и смотрел на него.

— Ты откуда знал? — спросил он. Без восхищения. С подозрением.

Александр молчал. Он и сам не знал. Просто в голове, где-то за глазами, было тихо и ясно: «Сверху. Сейчас. Ложись». Как будто кто-то сказал. Как будто он уже это видел.

— Кот. Ты откуда знал?

— Не знаю, — сказал он. — Показалось.

Фитиль открыл рот, чтобы сказать что-то ещё, но снаружи снова ухнуло, ближе, и разговор кончился.

Вечером командир, сухой мужик лет сорока с обветренным лицом, подошёл к нему у блиндажа.

— Кот. Говорят, ты сегодня первый крикнул.

— Показалось, — сказал Александр.

— Показалось, — повторил командир. — А людей спасло. Ты раньше с дронами сталкивался?

Александр хотел сказать «нет». Хотел сказать, что он вообще не понимает, что такое «дрон», что он знает только пики, алебарды и аркебузы, и что всё это — сон, бред, наваждение.

Но вместо этого сказал:

— Приходилось.

Командир кивнул.

— Хорошо. Держи ухо востро. Может, ещё пригодится.

Он ушёл. Александр остался стоять, глядя, как темнеет небо. За спиной, в блиндаже, Фитиль что-то говорил про ужин — кажется, материл повара. Где-то далеко, за лесополосой, снова гудел дрон — тонко, ровно, как муха по стеклу.

Александр стоял и думал о том, что не помнит, как оказался вчера у частокола. И что это почему-то не самое странное за сегодня.

Ночью ему приснился Ганс.

Он сидел у костра, в той же парусине, и точил нож. Александр подошёл и сел рядом. Ганс не поднял головы.

— Ты опять ходил, — сказал он.

— Знаю.

— Не в этом дело. Ты ходил там. Я видел. Ты стоял у частокола и смотрел на поле, а глаза были не твои.

Александр молчал.

— Ты не бойся, — сказал Ганс. — Это не болезнь. Это память. Просто она у тебя не в голове, а в теле. Тело помнит то, что ты забыл.

Он поднял голову. У него было лицо Фитиля — то же самое, усталое, с чёрным разводом. Но голос был Ганса.

— Ты только не путай, — сказал он. — Где ты спишь, а где тебя нет.

Александр хотел спросить, что это значит. Но костёр погас, и стало темно.

Он проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо.

— Кот. Кот, вставай. Опять.

Он сел. Фитиль стоял над ним, в зелёном, с фонариком в руке.

— Ты ночью вставал. Стоял у входа. Я тебя окликнул — ты не услышал.

Александр посмотрел на свои руки. Под ногтями была земля. Он не помнил, как её набрал.

— Приснилось что-то, — сказал он.

— Что?

Он хотел ответить и не смог. В голове остались только костёр, нож и голос, который сказал: «Не путай».

— Не помню.

Фитиль помолчал, потом сел рядом, спиной к доскам, вытянув ноги.

— Слушай, — сказал он. — Я не лезу. Но если ты ночью начнёшь с оружием гулять — я тебя, сука, сам прикладом успокою. Понял? Не потому что злой. Потому что жить хочу.

Александр посмотрел на него. На секунду ему показалось, что он видит перед собой Ганса — того же возраста, та же усталость, та же привычка говорить негромко и по делу.

— Понял, — сказал он.

Фитиль кивнул и встал.

— Пошли. Ужин. И это… командир сказал, завтра на передок. Готовься.

Он вышел. Александр остался сидеть на ящике, глядя на свои руки. Земля под ногтями была чёрная, жирная. Он не помнил, как её набрал.

За стеной снова гудел дрон.

Глава 3. Устав

Он проснулся от боли.

Бок горел. Не так, как горел бы разрез или удар — изнутри, ровно, как угли под кожей. Александр лежал на соломе, в полутьме, и первое, что он сделал, — потрогал место. Под пальцами была тряпка, пропитанная чем-то липким и пахучим. Повязка.

Он жив.

Это было неправильно. Он помнил, как вошёл обломок. Помнил, как сел в грязь. Помнил, как стало тихо.

— Очнулся, — сказал кто-то рядом.

Ганс сидел на перевёрнутом ведре, точил нож и смотрел на него без всякого удивления.

— Я умер, — сказал Александр.

— Нет.

— Я помню.

— Ты помнишь, как тебя толкнули. Потом ты сел. Потом тебя вытащили. Всё.

Александр попробовал сесть. Получилось с третьего раза. Голова кружилась, во рту было сухо и горько.

— Кто вытащил?

— Я, — сказал Ганс. — Ты лежал, как мешок. Я думал, всё. А ты дышал. Дышал, а глаза открыты и в небо смотришь. Я тебя за ноги — и в обоз. Лекарь сказал, древко прошло мимо. Зацепило мясо, не кишку. Повезло.

Он помолчал, потом добавил:

— Ты, когда лежал, говорил.

— Что?

— Не знаю. Не по-нашему. Быстро так, ровно. Как молитву, только без бога.

Александр закрыл глаза. В голове было пусто и гулко, как в пустом сарае. Он помнил гром без молнии. Помнил что-то белое и ровное над лицом. Помнил чужой голос, который сказал: «Кот».

— Ганс.

— Что?

— Ты когда-нибудь видел гром без молнии?

Ганс перестал точить. Посмотрел на него.

— Это пушки, — сказал он. — У швейцарцев пушки. Ты их слышал.

— Нет. Не эти.

Ганс долго молчал. Потом сказал:

— Ты это брось.

— Что бросить?

— Вот это. — Он показал ножом на его голову, не касаясь. — Ты вчера ночью вставал. Ходил по лагерю. Я тебя окликнул — ты не услышал. А утром сказал, что спал.

Александр молчал.

— Я не про то, что ты тронулся, — сказал Ганс. — Многие трогаются. Я про то, что ты делаешь. Ты ночью точил нож. Свой. Он и так был острый. Ты сидел и точил, и глаза были открыты, и ты смотрел не на нож, а мимо.

Он сунул нож в ножны.

— В лагере за такое бьют. Не потому что злые. Потому что боятся. Понял?

— Понял.

— Вот и хорошо. — Ганс встал. — Ешь. Завтра опять идём. Карл не любит ждать.

Он пролежал ещё день. К вечеру бок почти не болел — только тепло, ровное, как от горячей монеты в кармане. Александр проверил повязку: кровь запеклась, но рана была неглубокая, чистая.

Лекарь, худой человек с красными глазами, посмотрел и сказал:

— Заживёт. Ты, главное, не спи на спине.

Александр не стал спрашивать, почему.

Ночью, когда все легли, Ганс подсел к нему и стал говорить тихо, чтобы не слышали другие.

— Слушай. Я тебе скажу, а ты запомни. Первое: не стой у частокола. Стоишь — значит, спишь. Спишь — значит, кто-то может подойти. Второе: если чувствуешь, что гром без молнии, — ложись. Не ищи, откуда. Ложись. Третье: если ночью что-то делаешь и не помнишь — никому не говори. Даже мне. Особенно мне.

— Почему тебе?

— Потому что я старый и глупый, — сказал Ганс. — Я могу поверить.

Он хлопнул его по плечу — осторожно, в стороне от раны, — и ушёл к своему месту.

Александр лежал и смотрел в темноту. Где-то далеко, за лагерем, выла собака. Потом и она замолчала.

Он заснул.

И вместо грязи, вместо костра, вместо окопа — увидел магазин.

Светло. Белые лампы, ровные, без теней. Стеклянные витрины, в которых отражались люди. Пахло не навозом и не соляркой, а чем-то чистым, сладким, металлическим.

Он стоял у прилавка. На нём, под стеклом, лежал телефон. Тонкий, гладкий, тёмно-красный — цвет был глубокий, как вино, как кровь, которая уже начала сворачиваться.

— Бургундия, — сказал продавец. — Последний в этом цвете. Берёте?

Александр обернулся. Рядом стояла девушка. Он не видел её лица — только плечо, волосы, руку, которая тянулась к стеклу.

— Красиво, — сказала она. — Вот это — красиво.

Он хотел сказать, что денег не хватает. Хотел сказать, что это слишком дорого. Хотел сказать, что можно взять другой цвет.

Но вместо этого сказал:

— Беру.

Продавец улыбнулся. Девушка повернулась к нему, и он наконец увидел её лицо — и не узнал. Оно было гладкое, чистое, без единой морщины, без усталости. Такое лицо бывает у людей, которые никогда не спали в грязи.

— Ты лучший, — сказала она.

И тут свет погас.

Он открыл глаза.

Потолок был низкий, в потёках. Над ним висела лампа в железной сетке и качалась. Пахло мокрой шерстью, порохом и чем-то сладким, металлическим.

Кто-то тряс его за плечо.

— Кот. Кот, вставай. Опять.

Он сел. Фитиль стоял над ним, в зелёном, с фонариком.

— Ты ночью вставал. Стоял у входа.

Александр посмотрел на свои руки. Под ногтями была земля. Он не помнил, как её набрал.

— Приснилось что-то, — сказал он.

— Что?

Он хотел ответить. В голове остались только белые лампы, тёмно-красный телефон и девушка, которая сказала «ты лучший».

— Не помню, — сказал он.

Фитиль помолчал. Потом сказал, без злости, устало:

— Кот. Ты мне скажи одно. Ты когда ночью ходишь — ты там или здесь?

Александр посмотрел на него.

— Не знаю, — сказал он.

Фитиль кивнул, как будто другого ответа и не ждал.

— Ладно. Пошли, покурим, пока тихо.

Он вышел. Александр остался сидеть, глядя на свои руки. Земля под ногтями была чёрная, жирная. Он не помнил, как её набрал.

За стеной снова гудел дрон.

Глава 4. Тишина

Ночь выдалась без ветра. Такие ночи на передке хуже всего: звук идёт далеко, и кажется, что всё, что ты слышишь, — твоё.

Александр сидел на ступеньке блиндажа, курил и смотрел в чёрное. Сигарета была чужая, из пачки Фитиля, и он держал её неумело, как держат инструмент, которым не пользуются каждый день.

Фитиль вышел следом, сел рядом, закурил свою.

— Не спится?

— Не хочу, — сказал Александр.

Это была правда. Последние дни он старался не засыпать. Тело ныло, глаза резало, но он держался. Потому что там, во сне, было слишком много всего. И потому что он боялся не проснуться.

Фитиль усмехнулся.

— Ты, Кот, странный. Все хотят спать. Все, сука, мечтают поспать. А ты сидишь.

— Привычка.

— Плохая.

Помолчали. Где-то далеко, в стороне соседей, глухо стукнуло — не выстрел, а так, дверь, наверное. Или ящик уронили. Звук ушёл в темноту и растворился.

— Можно спросить? — сказал Фитиль.

— Спрашивай.

— Ты зачем сюда пошёл?

Александр затянулся. Дым был горький, дешёвый, с привкусом бумаги.

— Деньги нужны были.

— Всем нужны. — Фитиль стряхнул пепел. — Я не про это. Вот у меня — дом, мать, сестра. Мать болеет. Сестра дура, замуж не вышла, сидит с ней. Я деньги шлю, и всё нормально. А ты? Ты кому шлёшь?

— Никому.

— Вот. — Фитиль повернул к нему голову. — Тогда зачем?

Александр смотрел в темноту. Где-то там, за полем, за лесополосой, была другая сторона. А ещё дальше — город, где он родился. Ещё дальше — магазин с белыми лампами и витриной.

— Телефон хотел купить, — сказал он.

Фитиль помолчал. Потом сказал ровно, без удивления:

— Телефон.

— Ага.

— Ты серьёзно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.